

КАМИЛА ЛЕВИТАН

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

ИЗМЕНА МУЖА.
ТВОЯ ЛЮБОВНИЦА —
МОЯ УЛИКА!

Камила Левитан

**Измена мужа. Твоя
любовница — моя улика!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Твоя любовница — моя улика! / К. Левитан —
«Автор», 2026

Я застала любовницу мужа в нашей спальне. В моём шёлковом халате, с нашим семейным альбомом в руках! Артём даже не извинился. Вместо этого протянул документы на развод и потребовал отказаться от компании, которую мы строили десять лет. На следующий день меня уволили, заблокировали счета и выставили из собственного дома. Но настоящая правда оказалась страшнее измены. Муж специально устроил этот спектакль, чтобы украсть мои активы и повесить на меня миллионы долгов! Он считал меня слабой, послушной бухгалтершей. Напрасно, дорогой! Я знаю все твои финансовые секреты. И собираюсь использовать каждый. Ты хотел оставить меня ни с чем? Тогда готовься потерять всё!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Камила Левитан

Измена мужа. Твоя любовница — моя улика!

Глава 1

Я повернула ключ и придержала дверь ногой: сумка зацепилась за ручку. В прихожей горел свет. Обычно к этому часу Артём уже лежал с планшетом или ночевал в командировке, а мне оставалось разуться, открыть ноутбук и закончить отчет. Завтра встреча с инвестором. Я даже хотела сразу спросить, зарядил ли он мой планшет. Но из квартиры пахло чужими духами. Лаванда, мускус; сладость осела на языке, и я сглотнула.

Туфли остались на ногах. Я поправила воротник — за рабочий день блузка перекрутилась — и прислушалась. Ни телевизора, ни воды на кухне. Может, запах из подъезда? Соседка прошла, курьер принес пакет. Я положила ключи в карман и сделала еще шаг. Нет. Из спальни. Дверь была приоткрыта шире обычного, на полу лежал желтый прямоугольник от ночника. Там всегда было тихо, когда я возвращалась поздно. Я пошла к этому свету, всё еще пытаюсь найти объяснение, с которым можно будет просто лечь спать.

— Марина? — Голос был женским, низким, бархатным. Без удивления. Без страха.

За дверью сидела Ольга. Я даже узнала складку на рукаве своего халата: шелк замялся в упаковке, я собиралась отпарить его в выходные. Купила на день рождения, ни разу не надела. Ольга уже успела. Вчера она приносила мне папку на подпись и улыбалась так, что хотелось проверить лицо в темном мониторе. Сейчас у нее на коленях лежал наш бумажный альбом. Сочи, мы с Артёмом, еще до ипотеки. Она придерживала страницу пальцем, будто я помешала дочитать.

Помада у нее была мамино любимого оттенка — «спелая вишня». Мама берет его годами, не глядя на номер. Я зачем-то подумала именно об этом, о знакомом футляре в маминей сумке. Потом Ольга улыбнулась, и сходство кончилось.

— Чай будешь? — спросила Ольга. Она даже не сняла палец со страницы. Я смотрела на ее ноготь поверх фотографии, где мы с мужем смеемся на пляже. Хотелось выдернуть альбом, но для этого пришлось бы подойти к ней и взять то, что вообще-то принадлежало мне. Почему я должна отбирать собственные вещи?

— Уйди. Слово получилось тихим. Я прочистила горло, собираясь повторить громче. Ольга слышала с первого раза — по лицу было видно. Просто не собиралась вставать.

Она захлопнула альбом. Я дернулась на звук. Ольга указала на журнальный столик: синяя картонная папка, в углу печать нотариуса. В нашей спальне обычно лежали зарядки, очки, раскрытая книга. Бумаги такого рода я сама не пускала дальше кабинета.

— Он ждал тебя, чтобы обсудить условия, — сказала она спокойно. — Развод. Быстрый. Ты получишь квартиру, он оставит себе компанию и все активы. Справедливо, учитывая твой вклад... то есть его отсутствие в бизнесе.

Я подняла папку. Соглашение о разделе имущества. Подпись Артёма уже стояла внизу, а место для моей оставалось пустым. Узнать его росчерк было легко: я десять лет возвращала ему документы, если он забывал расписаться. Под соглашением была распечатка переписки. Сегодня, два часа назад. В это время я проверяла цифры к завтрашней встрече.

«Марина слишком занята цифрами, чтобы заметить, как я живу. Сухая бухгалтерша без души. Скучно. Как считать налоги».

Дверь из ванной открылась, и Артём вошел в одних брюках. Волосы мокрые, вода капнула с подбородка на простыню. Он посмотрел сначала на папку в моих руках. Не на Ольгу, не на халат. На документ, который я могла помять.

— Какого хрена ты тут делаешь? — рявкнул он, глядя не на Ольгу, а на меня. — Не устраивай сцену, Мара. Завтра важный звонок.

— Объясни, — я держала контракт двумя руками, как щит. — Объясни мне юридически, почему твоя секретарь сидит в нашей спальне в моем халате, читая наш развод, пока ты принимаешь душ.

Он фыркнул и потянулся к тумбочке. Я успела прочитать на светящемся экране подпись к своей фотографии: «Зомби-финансист. Бесплезный балласт». На снимке я была в очках, с красными от усталости глазами. Он сфотографировал меня, пока я работала. Я и не заметила.

— Ты хочешь ясности? — он схватил телефон. — Вот тебе ясность. Ты удобна. Пока ты удобна, ты живешь здесь. Но бизнес меняется. Инвесторы не любят эмоциональных связей. Они любят чистые структуры.

Артём стянул со стула пиджак. Рукав задел пол, подкладка вывернулась. Он возился с тканью, продолжая держать телефон, словно разговор уже закончился и осталось только одеться. Я положила соглашение обратно на стол. Слишком ровно — по краю, как раскладывала документы перед совещанием.

— Не трогай меня! — вскрикнула я, чувствуя, как внутри рвется какая-то струна.

Мне нужно было увидеть остальную переписку. Я схватилась за телефон. Артём дернул его на себя, поймал мое предплечье и толкнул. Плечо ударилось о стену; с полки что-то звякнуло, а у меня вырвался короткий вскрик. Я смотрела на его руку. Этой рукой он обычно отводил меня в сторону, когда мы расходились в узком коридоре. Только что он ударил меня о стену. За десять лет — впервые.

Я не могла поднять руку: от плеча к ключице тянуло болью. Он стоял так близко, что мне приходилось запрокидывать голову. Телефон в одной руке, пиджак в другой. Ни одну из этих вещей он не выпустил. Меня отпустил.

Я опустила взгляд на пиджак.

На сером лацкане остался отпечаток губ. Видна даже щель между верхней и нижней губой. «Спелая вишня». Утром в машине я поправляла этот лацкан, потом Артём обнял меня за талию. Был след уже тогда или появился здесь? Я никак не могла перестать разглядывать его края, как будто от времени появления хоть что-то зависело.

— Ты видишь? — прошептала я, указывая трясущейся рукой на ткань.

Он проследил за моим пальцем, прищурился и провел по пятну большим пальцем. Красное размазало. Посмотрел на испачканную кожу и вытер ее о внутреннюю сторону лацкана. Я ждала хотя бы секундной заминки. Не дождалась.

— Ерунда, — буркнул он. — Ольга шутильная. Тебе не понять чувства юмора тех, кто живет полной жизнью.

Ольга встала, расправила халат на бедрах и подошла к нам. Артём успел накинуть рубашку. Она поправила ему воротник, привстала на носки и коснулась губами шеи. Я слышала, как шелк халата прошуршал рядом с моим рукавом. На шее осталось второе пятно, и скрывать его никто не пытался.

— Он платит мне за лояльность, Марина, — тихо произнесла она, наклоняясь ко мне. Запах лаванды стал оглушающим. — А тебе он оставил долги. Все личные кредиты оформлены на тебя. Формально. По закону.

Я попыталась спросить, какие кредиты, но вдоха не хватило на вопрос. Вспомнились векселя. Поручительства. Листы, которые он подкладывал к внутренним гарантиям, пока я проверяла суммы на первой странице. Мои подписи там были. Не на всех документах — на некоторых. Артём коротко рассмеялся, будто и этот молчаливый подсчет был забавен.

— Она слишком умна, чтобы не понять расстановку сил, — сказал он, обращаясь к Ольге, будто меня не было в комнате.

Его телефон снова зазвонил. «Инвестор Козлов». Артём сбросил вызов. На экране осталось несколько непрочитанных сообщений. Он держал аппарат на уровне моего лица, но развернуть его и показать не предлагал.

— Решай вопрос с женой сегодня, — слышался механический голос из голосового сообщения: Артём задел кнопку воспроизведения, беря телефон. — Или мы выходим из сделки.

Я посмотрела на синюю папку. Значит, это приготовили не в порыве ссоры. Козлов знал, что сегодня решается «вопрос с женой». Ольга знала, что мне говорить. Даже альбом успели достать. А я сидела в офисе и считала, сколько компания сможет получить завтра. В расчетах не было единственной статьи: меня самой.

Ноги отказались слушать. Я осела бы на пол, если бы не уперлась каблуком в плинтус. Я достала из кармана ключи от квартиры. Тяжелые, железные, привычные. Я сжала их так сильно, что металл врезался в ладонь. Острая боль вернула меня в реальность. Замок они еще открывали. Но вернуться сюда завтра, повесить пальто, спросить, как прошел день, — уже нет. Я разжала ладонь: на коже отпечатались зубцы.

Надо было выйти. Хотя бы до прихожей, где можно будет достать телефон и говорить без них. Я сделала шаг, но увидела под соглашением край белого листа. Форма знакомая, арбитражный суд. Странно, что такой документ лежит здесь. Я потянула за угол и вытащила его из-под папки.

Черновик.

Заголовок: «Заявление о признании должника банкротом». Внизу, в строке «Подпись заявителя», стояла моя фамилия. И дата. Сегодняшняя.

Я провела пальцем вдоль фамилии. Подпись была похожа на мою — слишком похожа, чтобы отмахнуться. Но я ее не ставила. Артём готовил заявление от моего имени, пока у меня не было ни малейшего намерения подавать его. Если он приложит эти бумаги к обвинению в выводе денег, придется объяснять каждый перевод. Банкротство само по себе не преступление; это я знала. И знала, что финансового директора с таким делом за спиной никто не возьмет просто на слово.

Вместе с квартирой он предлагал мне долги. Вместе с увольнением — обвинение. Я поверила, не лежит ли ниже еще один лист. Теперь мне хотелось знать весь список, а не только тот, который они сочли нужным показать.

Артём наконец ответил на звонок и отвернулся к окну. Ольга рассматривала ногти. Пока они не смотрели, я прижала локоть к боку: плечо заболело сильнее. На этом листе была чужая подпись, а синяк будет мой. Оба, вероятно, завтра придется объяснять.

Я перечитала фамилию внизу страницы. В третий раз. Всё надеялась найти хотя бы одну букву, за которую можно зацепиться: ошибка, чужое имя, не я.

Я сняла лист на телефон, пока Артём говорил у окна, и оставила на столе. Забрать не решилась: он мог обернуться в любую секунду. Проверила на экране, попали ли заголовок и дата. Он еще не получил от меня согласия на развод, а заявление о моем банкротстве уже подписал за меня. И ждал, что после этого я сяду и спокойно обсужу условия.

Глава 2

Утром я поднялась в «Невский Форум». В лифте достала карточку сотрудника, хотя до турникета было еще далеко. На фотографии я улыбалась. Для того снимка мне велели снять очки, распустить волосы и «не выглядеть такой серьезной». Теперь карточка терлась о телефон, который всю дорогу выдавал уведомления: почта недоступна, рабочий чат закрыт, облачный диск не найден. Я еще никуда не пришла, а меня уже не было ни в одном из них.

На двадцатом этаже лифт открылся. Елена Марковна ждала прямо перед дверью.

Она стояла между двумя охранниками и смотрела на мою карточку. Я знала эту привычку: сначала бейдж, потом лицо, потом разрешение пройти. Раньше со мной она обходилась без первых двух пунктов. За ее плечом сотрудники шли к кофе-машине и оглядывались; явно знали, что сейчас произойдет.

— Марина Сергеевна, — произнесла она ровным, канцелярским голосом. — Прошу вас остановиться. Ваш доступ к корпоративной почте и серверам приостановлен до завершения служебного расследования.

Я вышла из лифта, чтобы двери не прищемили сумку. Трое людей расступиться не захотели. Елена Марковна сдвинулась на полшага, закрыв собой коридор к моему кабинету. Пришлось остановиться.

— Основание? — спросила я. Тихо вышло. Я слышала это сама и хотела повторить увереннее, но решила сначала дождаться ответа. Пусть хотя бы произнесет то, за что потом будет отвечать.

— Устная инструкция генерального директора, — Елена Марковна достала планшет и развернула экран ко мне. Там был скриншот переписки в закрытом чате топ-менеджмента. Артём, мой муж, человек, который еще вчера утром целовал меня в макушку, написал: «Марина стала компрометирующим фактором безопасности. Изолировать немедленно. Не пускать в архивы».

«Компрометирующий фактор». Я успела запомнить соседние сообщения: никто не возразил, один поставил палец вверх. Вчера эти люди писали мне «Марина, выручай, отчет нужен до девяти». Сегодня уже выбрали, какой именно фактор изолировать.

— Покажите приказ. С вашей подписью или подписью генерального, — сказала я, чувствуя, как внутри поднимается волна холодной тошноты.

— Приказ будет оформлен задним числом, когда вы подпишете заявление по собственному желанию, — сказала она и подняла глаза. — Или вы предпочитаете увольнение по статье за разглашение коммерческой тайны? Фотографии, которые вы рассылали... Елена Марковна не закрывала планшет. Мне показалось, она хотела прочесть мою реакцию раньше, чем я успею прикрыться деловым разговором.

— Какие фотографии?! — сорвалась я.

— Вы знаете, о чём я, — она пожала плечами. — Все знают про Ольгу. Простите, про вашу личную жизнь. Но здесь, на работе, мы обсуждаем только рабочие вопросы. А ваш рабочий вопрос сейчас один: уход.

Я приложила карточку к считывателю. Красный крестик. Еще раз — вдруг плохо поднесла. Охранник даже не шелохнулся. Словно именно второго прикладывания все и ждали. Я убрала бейдж в сумку, потому что стоять с ним в протянутой руке стало невыносимо.

Через служебную калитку меня пропустила Елена Марковна — за вещами, под присмотром охраны. Каблуки вдруг звучали слишком громко. У кофе-машины притихли, потом кто-то включил ее, и этот звук оказался спасением. Можно было пройти мимо, не слушая, кто именно шепчет. Я узнала несколько лиц и смотрела только вперед. Если кто-нибудь сейчас пожалеет меня вслух, я не дойду до приемной.

За стеклянной перегородкой сидела Даша. Монитор закрывал ей половину лица. Она знала, что я стою перед стойкой: я видела, как ее взгляд на секунду поднялся поверх экрана. Потом она снова начала печатать. Пришлось ждать, будто я пришла без пропуска к чужому начальнику.

— Генеральный занят, — сказала она, даже не подняв глаз от монитора. — С важными партнёрами.

— Пусти, — потребовала я.

— Без предварительной записи вход запрещён. Правила внутреннего распорядка, пункт 4.2.

— Я его жена! — выкрикнула я. Звук получился резким, неприятным. Как скрип тормозов.

Даша наконец посмотрела на меня. Она улыбнулась, и мне захотелось проверить, нет ли в приемной камеры, ради которой эта улыбка сделана. Я держалась за край стойки, чтобы не протянуть руку к двери за ее спиной.

— Были, — уточнила она. — Теперь вы просто бывшая сотрудница, которую не пускают в святая святых. Может, вам помочь вызвать такси? Выглядите бледной.

Артём вышел сам. В свежем костюме, с тщательно завязанным галстуком; дома он никогда так не возился перед зеркалом без важной встречи. Ольга шла следом. Я ждала, что он хотя бы покажет ей на другой выход. Нет, они остановились вместе.

Ольга держала папку и одной рукой поправила ему воротник. Он положил ладонь ей на поясницу. Этот жест был знаком до мелочей: так он направлял меня в зал, если мы опаздывали. Теперь, оказывается, можно было направить другую женщину прямо мимо меня. Она провела пальцем по лацкану, и на ткани остался светлый след.

Артём посмотрел на меня, потом на Елену Марковну за моим плечом. Проверял, всё ли идет как договорились? Мне хотелось заставить его смотреть только на меня. Я переместилась на шаг, чтобы он не мог продолжать разговор поверх моей головы.

— Марина, — сказал он. Голос был низкий, бархатный, тот самый голос, под который я засыпала десять лет. — Мы обсуждали этот момент. Твоё присутствие здесь нарушает конфиденциальность переговоров с фондом «Северный капитал».

— Фондом, которым управляет твоя любовница? — спросила я.

Ольга хихикнула. Я резко повернулась к ней, но она уже опустила взгляд в папку. Хорошо устроилась: сказать ничего не надо, а ее смех слышали все. Артём прижал ее к себе ладонью и начал отвечать мне.

— Это деловой контакт, — сухо ответил Артём. — И ты нарушила коммерческую тайну, переслав личные фото на внешний адрес. Юристы уже составили акт. Если ты не хочешь уголовного дела за шпионаж, рекомендую уйти. Сейчас же.

Он протянул соглашение об увольнении. Три оклада. Я прочитала сумму дважды, проверила, не пропущен ли ноль. Нет. Он платил мне за три месяца ухода, а я отдала компании десять лет и знала, сколько стоили мои проекты. Внизу было место для подписи. Как дома. Они очень рассчитывали, что я устану спорить и заполню пустые места.

— Мои вещи, — сказала я. — В сейфе лежат черновики проекта «Золотое кольцо». Они мои.

— Интеллектуальная собственность принадлежит компании, — отрезал Артём. — А права на передачу данных третьим лицам уже реализованы. Ольга Сергеевна представляет новый инвестфонд. Она заберёт всё необходимое.

Ольга снова улыбнулась. Помада вчерашняя, вишневая. В офисе она уже не казалась случайной вещью из спальни: здесь я видела, как эта женщина смотрит на моего мужа, пока он забирает мою работу. Захотелось спросить, кто оплатил ее папку и сколько строк в этой папке написала я.

— Ты думаешь, это измена? — вдруг спросила Ольга. Тише, чем говорил Артём. Почти интимно. — Нет, Марина. Это поглощение.

Через десять минут возле моего стола собралась служба безопасности. Четверо. Открывали ящики так, как не позволяла себе даже я: рывком, до упора. На стол легли ручки, бумаги, зарядки. Кружку «Queen of Numbers» поставили на пол. Затем кто-то сдвинул стул и задел ее ножкой. Я услышала треск и замолчала на полуслове.

Пыталась остановить их: хватала за рукав, показывала удостоверение, говорила, какие бумаги нельзя складывать вместе. Меня отгеснили от стола. Охранник со шрамом на подбородке достал бархатную коробку — мои часы. Подарок на пятую годовщину. Вчера застежка цепляла блузку, и я сняла их, собираясь забрать домой вечером. Забыла. Сейчас смотрела, как человек, которого я едва знаю, открывает мою коробку.

Парень повертел часы в руках, затем протянул их Ольге, которая стояла рядом, наблюдая за «обыском» с бокалом воды в руке.

— Это ваше, Ольга Сергеевна? — спросил он. — Генеральный сказал, что это ваша компенсация за неудобства.

Ольга взяла часы и повернула циферблат к свету. У нее был свой браслет, его пришлось сдвинуть выше. Я узнала царапину на застежке и поняла, что даже ее придется отбирать обратно через чужое разрешение. Ольга посмотрела на меня, застегивая ремешок.

— Спасибо, Артём, — мурлыкнула она.

Часы сели на ее руку свободнее, чем на мою. Пять лет я носила их на совещания, снимала над клавиатурой, смотрела на них в пробке по дороге домой. А она примерила — и оставила. Так легко. Я уставилась на пустое место на своем запястье и натянула рукав, чтобы его не видеть.

Из кабинета меня выпустили без единого «до свидания». Первый лифт закрылся, пока я шла к нему, и пришлось ждать следующий под взглядами людей в холле. Я нажимала кнопку снова и снова, хотя она уже горела. Внизу двери наконец разошлись, и я пошла к паркингу, не оглядываясь на ресепшн.

Глава 3

На парковке я нашла свою машину. BMW X5, серебристый металлик. Наш общий автомобиль, купленный в кредит. Я села за руль, повернула ключ. Двигатель не завёлся. Экран бортового компьютера мигнул красным: Access Denied.

Блокировка сигнализации. Удалённая.

Я вылезла из машины и захлопнула дверцу. Рядом стоял Range Rover Артёма, служебный, с хорошо знакомым номером. Стекла темные; понять, сидит ли внутри водитель, не получилось. Его машину никто не блокировал. Я сама год назад согласовывала расходы на этот транспорт.

Телефон в кармане снова завибрировал. Сообщение от юриста, которого я наняла полгода назад для страховки.

«Марина, срочно. Артём подал иск о разделе имущества. Доказательства покупки квартиры через оффшорные схемы. Объект арестован судом обеспечительными мерами. Продажа пока запрещена. Но Артём сменил замки. Не пытайтесь вскрывать дверь одна: он ищет повод для новой жалобы».

Я перечитала сообщение у заднего крыла BMW. Квартиру я ремонтировала сама: замеры, краска, шторы. Ключи лежали в сумке, тяжелые и совершенно бесполезные. Артём сменил замок за одну ночь. Не спросив даже, есть ли мне где переночевать.

По паркингу шли люди с пакетами из кофейни. Один прошел совсем близко, говоря в телефон о переносе встречи; я посторонилась и попала локтем в зеркало машины. В костюме, на каблучках, с сумкой финансового директора я не могла придумать, куда идти дальше. Человек закончил разговор и уехал. У него хотя бы машина заводилась.

Пока я стояла у выезда, начался дождь. Август, а вода холодная. Я вышла из-под крыши паркинга и посмотрела в темное стекло здания. Макияж поплыл под одним глазом. Вытирать было нечем; рукавом только размажу. Деловой вид держался до первого прикосновения к лицу.

Нужно снять комнату, хотя бы на ночь. В кошельке почти пусто, но на личном счете должны быть накопления. Я вытащила карту и проверила адрес ближайшего банка. Два квартала. Это было первое за утро действие, которое зависело от меня, а не от распоряжений Артёма.

Я побежала к банку. Туфли скользили по мокрому асфальту, каблук сломался, и я хромала дальше, чувствуя острую боль в стопе. Боль была хорошей. Она заглушала стыд.

В отделении банка гудел кондиционер. Здесь хотя бы было сухо. Менеджер, девушка с добрыми глазами, увидев меня, побледнела.

— Я хочу снять наличные, — сказала я, кладя паспорт на стойку. — Со своего личного счёта.

Девушка положила паспорт рядом с клавиатурой и начала печатать. Потом перестала. Посмотрела в экран, щелкнула еще раз и подвинула паспорт ближе ко мне. Я не взяла. Если документ останется у нее, может быть, она еще попробует.

— К сожалению, счёт заморожен, — проговорила она, избегая смотреть мне в лицо. — Поступил запрос от следственных органов. Предварительная проверка на предмет отмывания средств.

— Это абсурд! — повысила я голос. Люди в очереди обернулись. — Это моя зарплата! Мои накопления!

— Я не могу принять решение, — она пожала плечами. — Система заблокирована автоматически. Вам нужно обратиться в головной офис или ждать снятия мер.

— Сколько ждать?

— Не знаю. Месяц. Два. Год.

Год. Я посмотрела на мокрый след, который оставила сумка на стойке. Платить за ночь нужно сегодня, а мне назвали срок, за который можно потерять вообще всё. Карта так и лежала в моей ладони. Я спрятала ее, прежде чем девушка успела попросить освободить место для следующего клиента.

Под козырьком банка с меня стекала вода. Хотелось плакать, и я искала взглядом место, где никто не увидит. За углом — урна, мокрая стена. В машине — заблокированная сигнализация. Дома — чужие замки. Даже поплакать мне сейчас было негде. Я прижала пальцы к переносице и услышала, как рядом остановился человек.

Он был в длинном черном пальто, с опущенным зонтом. Вода капала с края прямо на ботинки. Я сначала посмотрела на зонт: если поднимет, можно будет хотя бы убрать телефон под него. Потом узнала лицо.

Виктор. Мы учились на одном курсе, после учебы редко встречались, но я знала, что он занимается экономическими преступлениями. Вчера это казалось просто профессией старого знакомого. Сегодня, увидев его у банка, я первым делом подумала: приехал за мной?

Он молчал, и я не знала, куда деть карту. Уже спрятала ее, а ощущение осталось — будто мне опять придется предъявлять что-то, оправдываться. Виктор посмотрел на сломанный каблук, потом на сумку. Я выпрямилась, хотя правую ногу удобнее было ставить боком.

— Ты промокла, — констатировал он.

— Иди к чёрту, Виктор, — прошипела я, пытаюсь выпрямить спину. Гордость — последнее, что у меня осталось.

— Ты думала, это измена? — спросил он вдруг. Голос был низким, вибрирующим в воздухе между нами.

Я замерла.

— Нет, Марина. Это поглощение. Артём не просто бросил жену. Он использовал эмоциональную нестабильность, чтобы вывести активы через фиктивные сделки. Ольга — не любовница. Она — инструмент. А ты — пешка, которую сняли с доски, потому что она начала видеть игру.

Он приблизился, чтобы я слышала сквозь дождь. Теперь я различала знакомую родинку у виска и мокрый шов пальто. Хотелось спросить, откуда он всё знает. Вместо этого я ждала продолжения: один человек за весь день говорил о том, как остановить Артёма, а не о том, что мне лучше уйти.

— У меня есть предложение, — сказал Виктор. — Оно вернёт тебе контроль. Не над браком. Над игрой.

Виктор протянул белую визитку. Имя, должность, телефон, тиснение золотом. Нижний угол сразу намок. Я не взяла ее с первого раза: смотрела на номер, как будто он мог сказать, сколько именно будет стоить эта помощь.

— Ты можешь пойти домой. К родителям. Списать в долги. Плакать в подушку год. И потерять всё окончательно. Или ты можешь стать моим кротом. Помочь мне собрать доказательства против Артёма. Рисковать свободой. Рисковать жизнью. Но убить их обоих. Системно. Юридически. Безвозвратно.

Я посмотрела на визитку. Затем на свои туфли. Один каблук сломан. Второй вот-вот отвалится.

Согласиться означало идти к Артёму снова. В ту спальню я вернуться не могла даже мысленно, а Виктор предлагал искать документы в его компании. И всё-таки на его визитке был номер, по которому мне обещали ответить. У меня не осталось другого такого номера.

Я натянула рукав на пустое запястье. Часы остались у Ольги, черновики проекта — в его сейфе. Еще вчера я знала, куда сложить вещи и кому предъявить счет за работу. Сейчас даже счета мне предлагали оспаривать по чужому разрешению. Так больше нельзя.

Снимать комнату, восстанавливать счета, оспаривать увольнение — это всё еще можно было делать. Если не стоять тут до вечера, слушая, как капает вода с чужого зонта. Я протянула руку.

Я взяла визитку, пока Виктор не убрал руку. Бумага была влажной от дождя. Холодной.

Виктор дождался, пока я уберу визитку, и посмотрел на мои туфли снова. Я не собиралась рассказывать ему, как побежала сюда. Мне нужно было узнать, куда он предлагает идти завтра. А еще — как сделать так, чтобы Ольга сняла мои часы с руки.

Глава 4

Через два дня я снова подошла к банкомату. Набрала PIN и проверила остаток: вдруг юрист уже добился снятия блокировки? Банкомат выдал обычное меню. От этого стало так радостно, что я чуть не нажала на слишком большую сумму. Пока хватит на комнату и еду. Дальше разберусь.

Экран мигнул красным. «Операция отклонена».

В отделении были свободные места. Я выбрала ближайшее к двери и положила сумку на стойку: документы об увольнении помялись, угол папки вылез наружу. Девушка посмотрела на папку, потом на меня. Я убрала ее обратно, застегнула сумку и придвинула паспорт. Разговор должен был быть о моих деньгах, а не о том, что со мной произошло.

— Здрасти, — голос вышел хриплым. — У меня проблема со счётом. Мне нужно снять наличные. Срочно.

Она не встала. Не подошла. Просто щёлкнула мышкой. — Счёт заблокирован, — произнесла она ровным тоном кондуктора, объявляющего конечную остановку. — Блокировка связана с материалами, которые передала служба безопасности вашего бывшего работодателя. Подозрение в отмывании средств через корпоративные транзакции.

Служба безопасности бывшего работодателя. Значит, Артём разослал документы быстрее моего юриста. Я смотрела на монитор со стороны, хотя прочитав с такого угла ничего не могла. Очень хотелось увидеть хотя бы фамилию того, кто отдал распоряжение.

— Это незаконно! — я повысила голос, чувствуя, как к щекам приливает жар стыда. Люди вокруг перестали печатать чеки. Тишина стала давящей, физической. — Покажите мне письменное обоснование. Я финансовый директор этой компании десять лет. Вы знаете, что это ложь!

— Письменное обоснование выдаётся только следственным органам или по запросу суда, — отрезала девушка, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на жалость, которая была хуже презрения. — Идите домой, гражданка. Или обратитесь к юристу. Но деньги вы здесь не получите. Ни копейки.

У соседнего окна мужчина считал купюры. Шуршание слышалось через весь зал, а мне нельзя было получить даже ту сумму, которую он отложил отдельно на чай. Я стиснула руки, чтобы не начать показывать на него: вот, смотрите, вы же выдаете деньги. Не всем, оказывается.

Катя пустила меня на одну ночь. В ее квартире пахло присыпкой, в прихожей стояли маленькие ботинки вперемешку со взрослыми. Я поставила сумку возле стены, чтобы утром дети не споткнулись. После смененных Артёмом замков даже этот ключок пола казался предоставленной мне роскошью. Катя была единственной, кто не сказал по телефону «давай завтра».

Утром я нашла свою сумку уже застегнутой.

Катя теребила край скатерти. Дима ходил от окна к раковине с сигаретой — прежде он выгонял курить на балкон даже гостей. — Марин, — начала она. — Нам очень неловко. Я посмотрела на пепел, который он стряхивал прямо в раковину. Как бы это не оказалось разговором о том, что я должна уйти.

Я поставила кружку чая на стол. Фарфор звякнул слишком громко. — Что случилось?

— К нам приходил человек. Представитель... твоего мужа, — Катя избегала моего взгляда. — Он сказал, что против тебя возбуждено дело. Мошенничество, вывод активов. Он упомянул, что если мы будем помогать тебе, у нас могут быть проблемы. С налоговой. С проверками.

Дима резко бросил окурочек в раковину. — Мы не можем рисковать бизнесом, Марина. Ты же знаешь, у нас ипотека, дети маленькие. Это не злоба. Это страх.

Дима не стал прятать причину. Боится. Катя кивала, глядя в стол. Артёму оказалось достаточно прислать сюда человека, чтобы моя подруга сама собрала мои вещи. Я выждала — вдруг она добавит, что хотя бы до вечера можно остаться. Не добавила.

Я отодвинула стул и встала. Хотелось напомнить, сколько раз мы говорили по телефону допоздна и как Катя обещала «ты всегда можешь приехать». Но передо мной сидели люди, которым уже страшно от самого моего присутствия. Перечень оказанных услуг их не переубедит.

— Где мои вещи? — спросила я тихо. Катя вздрогнула. — В прихожей. Собраны.

Ремень сумки уперся в плечо. Я поправила его и только после этого смогла сказать: — Спасибо, что пустила на одну ночь. Катя открыла рот, но я уже шла в прихожую. Если она начнет объяснять снова, придется еще раз слушать, почему меня нельзя пустить к людям, которых я считала своими.

Уходя, я слышала, как за спиной шептался Дима: «Надеюсь, она не вернется». И это был самый честный разговор, который у нас состоялся.

На хостел Катя всё-таки дала денег. Я обнаружила купюры в сумке и не стала звонить благодарить: еще услышит Дима. В комнате было шесть кроватей. Соседка сверху долго переключивала вещи, сетка прогибалась над моим лицом. Я натянула одеяло и отвернулась к стене. Хотелось заснуть до того, как начнется разговор — кто я, откуда, надолго ли.

В три часа я проснулась и не смогла вдохнуть. Одеяло прилипло к шее. Надо сесть, но если сяду, разбудится соседка. Артём продаст квартиру. Меня арестуют. Кому вообще сообщат, если меня арестуют здесь? Я лежала в чужой кровати и никак не находила ответа.

Попыталась опереться на локти. Матрас заскрипел, я снова легла. Пульс бил в горле, вдохи получались короткими. Даже воды под рукой не было: бутылку оставила в сумке у ног. Я представила, как тянусь за ней, и не смогла заставить себя двинуться.

Стоп, приказала я себе. Дыши.

С дыханием ничего не выходило. Тогда я стала считать то, что знала наверняка, без выписок и доступа к сети. Шепотом, чтобы никто не спросил, почему я разговариваю сама с собой. «Нева-Девелопмент». Оборот — четыреста пятьдесят миллионов. Долги банкам — сто двадцать. Прибыль — восемьдесят. Я помнила цифры вместе с порядком строк: сперва оборот, потом обязательства.

Перечислила свои данные, как в резюме: Марина Волкова, тридцать четыре года, двенадцать лет опыта, английский. За следующей строкой задержалась. Что я умею кроме отчетов? Читать баланс между строк. Да. Это еще у меня не забрали.

На очередном вдохе перестало давить в груди. Я дотянулась до бутылки, выпила маленький глоток и села. Соседка наверху перевернулась, ничего не спросив. За окном шумела машина. Нормальный звук, обычная ночь. Я повторила суммы, чтобы снова не провалиться в вопрос, кому сообщат о моем аресте.

К рассвету я так и не уснула, но могла двигаться. Собрала документы в порядке дат. С увольнения начинать не стоит; сначала подпись, которую я не ставила. Живот урчал, и я прижимала к нему сумку, чтобы не слышала соседка. В бесплатную консультацию нужно прийти до очереди.

Глава 5

В консультации меня приняли бесплатно. Адвокат перелистывал бумаги одним пальцем, другую руку не убирал с телефона. Кабинет был тесный, локти приходилось держать на коленях. Я дождалась, когда он закончит читать, и подвинула вверх лист с поддельной подписью. Именно его он почему-то всё время складывал вниз.

— Схема идеальна, — сказал он наконец, откладывая бумаги. — Ваш муж оформил перевод активов через подконтрольные офшорные компании, формально числя вас директором одной из структур. Все подписи ваши. Хотя бы электронные, но есть. Судебная практика показывает, что доказать принуждение почти невозможно без видеоматериалов или свидетельств третьих лиц, готовых подтвердить давление.

— Но это ложь! — воскликнула я. — Он подделывал документы!

Адвокат поднял руку, призывая к тишине. — Милая моя, система работает не по принципу истины. Она работает по принципу доказательной базы. На бумаге вы — соучастница. Если вы подадите иск сейчас, вас не только не оправдают, но и усилят обвинения в мошенничестве. Вам нужно ждать. Надеяться на снисхождение суда. Или на чудо.

Я ждала от него хотя бы названия экспертизы, запроса, следующего шага. Он предложил чудо. Сначала Артём подписал за меня документы, потом я два дня бегала с ними по городу — чтобы услышать, что лучше ничего не делать.

Адвокат придвинул визитку. Я взяла ее и разорвала на четыре части, не глядя на номер. Кусочки упали на пол. Он посмотрел на них с таким укором, будто это было самым серьезным нарушением за весь разговор. — До свидания, — сказала я и закрыла дверь сильнее, чем собиралась.

На улице моросило. Я подняла воротник и пошла быстрее: остановлюсь — вернусь спрашивать, как записаться на экспертизу. Нет, к этому человеку не вернусь. Денег на другого адвоката пока не было, но искать другого хотя бы не запрещено.

Телефон завибрировал. Сообщение от Артёма. Фотография. Наша квартира. Красивая гостиная, где мы встречали Новый год. Рядом лежит табличка «Продажа». Подпись: «Милая, ты слишком медленная. Я продаю активы быстрее, чем ты можешь плакать. Прощай.»

Я набрала «ты не имеешь права», посмотрела на четыре слова и стерла. Потом набрала снова. Он прислал фотографию гостиной и таблички «Продажа», чтобы увидеть именно такой ответ. Мне хотелось дописать столько, что сообщение не поместилось бы на экране. А он мог даже не прочитать.

Лучше отдать фотографию юристу. Даже плохой юрист понимал больше, чем я сейчас, когда пальцы пытались писать ему ругань. Телефон нагрелся в ладони. Я нажала сохранить снимок и проверила, попал ли в него текст.

Закрела чат, не ответив. Контакт оставила — пусть видно, кто прислал. На секунду показалось, что без последнего слова я проиграла. Потом подумала: последнее слово по поводу квартиры всё равно будет не в мессенджере. И убрала телефон.

В «Пути» Виктор сидел у окна с чаем. Я выбрала этот стол сразу: меньше соседей, можно поставить сумку у стены. Он посмотрел, как я снимаю мокрое пальто, но помогать не стал. Мне было удобнее без помощи. Не пришлось бы говорить «спасибо» прежде, чем узнаю, зачем он меня позвал.

— Ты выглядишь плохо, Марина, — сказал он, не поднимая головы. — Я чувствую себя хуже, — ответила я, садясь напротив. — Но я жива.

Виктор достал из внутреннего кармана пиджака визитку. Белая, с черным номером, как та, которую он дал мне у банка. Он положил её на стол между нами, как шахматную фигуру.

— У меня есть информация. Схема вывода активов Артёма. Она сложнее, чем кажется. Там есть люди, которые хотят его убрать. Но им нужен доступ внутрь. К бухгалтерии, к архивам, к тем контактам, которые у тебя остались, даже если ты официально уволена.

— Ты хочешь использовать меня как крота, — сказала я. Это не вопрос. Это констатация факта.

— Я хочу предложить сделку, — поправил Виктор. — Ты помогаешь мне собрать доказательства, которые отправят Артёма в СИЗО. Я обеспечиваю твою безопасность и юридическую защиту. Плюс, возможность вернуть часть активов через новые структуры.

— Почему я должна доверять тебе? — спросила я. — Ты тоже играешь свою игру.

Он смотрел на меня, а не на папку. От этого стало неудобно; я подвинула к нему документы. — Потому что ты находишь убыток, который другие прячут, — сказал Виктор. — И сейчас у тебя для этого есть причина. Где в компании хранят старые сделки, ты тоже знаешь. Это уже было похоже на ответ. Он называл то, что я могу сделать, а не обещал, что всё само пройдет.

Я взяла вторую визитку. Подсушить первую так и не удалось — край разлохматился. Слишком легко было ухватиться за мужчину, который знает больше меня и обещает всё вернуть. Я положила карточку рядом с папкой, чтобы не держать в пальцах как билет, без которого меня не впустят.

— Никаких романтических обязательств, — сказала я четко. — Только бизнес. Только цифры.

Виктор усмехнулся. — Договорились.

После кофейни я срезала путь через парк. Дождь усилился, и под деревьями хотя бы не сразу заливало лицо. У парковки кто-то засмеялся. Я остановилась: Ольга. Ее голос я сейчас узнала бы даже за шумом двигателя.

Я отступила за липу. У черной «Бентли» стояла Ольга, та самая женщина в моем халате. Теперь на ней была своя одежда, и всё равно перед глазами остался блеск шелка у нее на поясе. Артём стоял у открытой дверцы.

Она смеялась, говоря что-то в телефон, поправляя причёску. Артём вышел следом, обнял её за талию, что-то прошептал на ухо. Она отмахнулась, но не злобно, а игриво.

Хотелось выйти к ним. Пусть увидят, что мне пришлось ночевать в хостеле, пока они катаются по городу. Что изменится от этого, я не знала. Но стоять за деревом и прятать лицо от собственного мужа было мучительно.

Но я осталась на месте. Я наблюдала.

Ольга ждала у капота, пока Артём говорил по телефону. Крутила браслет, то натягивала его вверх, то отпускала. Дорогой браслет — зарплаты секретаря на него не хватит. Когда он отвернулся, она перестала улыбаться и оглянулась на дорогу. Еще раз. Я следила за ее глазами, пытаясь понять, кого она ищет.

Она села в машину, закрыла дверь. Автомобиль уехал, оставляя позади лужи и запах мокрого асфальта.

Машина уехала, а я осталась возле липы. Куртка промокла, но идти дальше расхотелось. За столиком Виктор сказал: «инструмент». Сейчас я впервые подумала, что инструмент, возможно, сам боится руки, в которой оказался.

Ольга выглядела испуганной. Это еще ничего не доказывало, но я впервые задумалась: чего она боится рядом с победителем? Мне надо было проверить ее долги. Если она зависела от него так же, как я, у нас появлялась тема для разговора. Пока это было только предположение.

Говорить с ней о халате бесполезно. О деньгах — может быть. Если Артём платит за браслеты и одновременно держит на ней кредиты, нужно выяснить, что весит больше. Я умела разбирать обязательства. Даже когда очень хотелось просто ударить.

Я достала визитку, заслонила телефон от дождя и набрала сообщение Виктору: «Когда встречаемся?» Номер уже был сохранен. Я еще раз посмотрела на мокрую дорогу, по которой уехала «Бентли», и дождалась отметки доставки.

Глава 6

Вечером я пришла к бывшему кафе «Металлист». Вывеска еще держалась, а окон почти не осталось. Виктор сказал ждать внутри. Я протиснулась в приоткрытую дверь и наступила на осколок; под подошвой хрустнуло. У соседней трассы шли машины, света хватало лишь на несколько шагов. Я позвала Виктора.

Снаружи щелкнул замок. Я дернула ручку. Заперто. Посмотрела в другой конец ангара: там была аварийная дверь, но перед ней навалили мусор. Добраться можно, открыть — вряд ли. На потолке белели датчики. Я убрала руку с ручки и позвала снова, уже громче.

Виктор вышел из-за колонны с планшетом. Серый костюм, на ботинках грязь. В банке он хотя бы стоял среди людей. Здесь я вдруг вспомнила, что знала его студентом, а не человеком, которому можно отдавать документы.

— Ты пришла раньше, чем я ожидал, Марина, — голос низкий, без эмоций. — Или ты просто боишься остаться одна со своими мыслями?

Я выпрямилась и убрала руки в карманы: пальцы дрожали. — Я здесь за обещанными инструментами против Артёма. Говори, что нужно.

Он посмотрел на карманы, потом на планшет. — Сначала скажи кодовое слово внутреннего чата квартальной отчетности. То, которое знала как финдиректор. Тогда пойму, что доступ еще пригодится.

Я помнила подписку о неразглашении. И помнила, как Елена Марковна произносила «по статье». Отдать пароль следователю — одно, незнакомому человеку в запертом ангаре — совсем другое. Виктор подождал. Я искала в его лице что-нибудь, по чему можно понять, какой это сейчас человек.

— «Феникс-9», — произнесла я.

Он ввел слово в планшет и проверил ответ. — Первый тест. В кабинете Артёма на Пятнадцатой линии лежит флешка с черновиком заявления о твоём банкротстве. Нужна копия. Охрану сменили, поставили биометрию. Если тебя возьмут, будет дело о коммерческой тайне. Сначала оформим сотрудничество. До этого туда не идешь.

Я посмотрела на запертую дверь. Мне уже хватило одного мужчины, который заранее решил, чем я готова рискнуть. — Если попадусь, обеспечишь мне защиту. Иначе напишу заявление: ты послал меня туда. Виктор отложил планшет, и я впервые увидела, что он внимательно слушает условие, а не просто ждет моего «да».

— Принято, — сказал он, выслушав условие. — Телефон проверю сейчас. Паспорт нужен для оформления защиты. Верну оба. Можешь смотреть, что делаю.

Я достала паспорт и держала отдельно от телефона. Без него ни комнату не снять, ни к нотариусу прийти. — Завтра утром вернешь. Виктор кивнул. Я запомнила время: обещания без срока уже слушала.

Он протянул руку. Я посмотрела на нее, прежде чем отдать документы.

Виктор убрал телефон с паспортом во внутренний карман. Сумку я оставила при себе. Мы пошли дальше в ангар, и я следила, не переложит ли он мои вещи куда-нибудь, откуда я не смогу забрать сама.

За колоннами стоял стол из поддонов, два стула, ноутбук. К нему шел кабель от спутникового терминала. Виктор сел, вывел на экран камеры здания Артёма. Я устроилась сбоку, где тоже видно монитор. Здесь было теплее, пахло остывшим кофе.

— Знаешь, — сказал он, не поднимая глаз от камер, — Артём мог бы дать тебе всё. Машину, деньги, статус. Если бы ты была послушной женой. Не полезла в бухгалтерию. Молчала, когда приводил своих подружек.

Я повернула стул к нему. Пусть смотрит на меня, если решил говорить про послушание. После сцены в спальне у меня едва проходил синяк, и он всерьез предлагает пообсуждать, сколько стоило бы молчание? Ударить хотелось уже не только Артёма.

— Послушная жена мертва вместе с нашим браком, — ответила я. — Мне не нужны его деньги. Нужна его голова. Метафорически, конечно.

Виктор хмыкнул. Телефон на столе завибрировал, на экране появилось «Артём В.».

Звонок на его телефон от Артёма. Я посмотрела на Виктора: откуда у него этот номер? Он дал вызову завершиться, открыл пришедшее следом голосовое и поставил телефон между нами. Я придвинулась, чтобы разобрать слова.

Из динамика послышался Артём: — Марина, я знаю, где ты. С ним. Думаешь, это умно? Ипотека на твою мать в Сочи... Я могу сделать так, что она потеряет дом завтра утром. Вернись сейчас. Или сломаю ей хребет юридически.

Я сразу подумала о маме. Она сейчас дома, ничего не знает и может открыть дверь любому человеку, который назовется представителем банка. Я потянулась за своим телефоном, но он уже был у Виктора. Придется сначала забрать. Встать. Позвонить. Только не показывать, что угроза попала точно туда, куда Артём целился.

Виктор молчал. Я ждала, что он предложит предупредить маму. Самой просить почему-то было стыдно: только что требовала равных условий, а теперь не могла даже набрать свой номер. Я опустила руки на стол, чтобы перестать тянуться к его карману.

— Ответь, — попросила я. — Скажи, что финансовые потоки уже переданы конкурентам. Что я держу последний гвоздь в гробу его компании. Блефуй. Пусть хотя бы сейчас занимается своими счетами, а не мамой.

Виктор посмотрел на меня и набрал: «Марина передала данные Северному Дому. Квартира под арестом, активы заморожены. Хочешь войны? Получишь». Я прочитала текст, не стала просить смягчить.

Он нажал отправить. Я смотрела на отметку доставки и не могла решить, стало ли мне легче. Если Артём проверит наш блеф, он начнет с мамы.

Он положил телефон экраном вниз. — Рискованно. Проверить он может. И на крайние меры пойти. Ты правда не испугалась?

— Испугалась, — сказала я. — Просто ему об этом знать не надо.

Виктор откинулся в стуле. — Об Ольге есть кое-что, чего ты не знаешь.

Я снова придвинулась к столу. — Что с Ольгой? Виктор помедлил, открывая папку в планшете. Одно имя, а я опять увидела ее пальцы на нашем альбоме.

— Она не просто секретарь. И не просто любовница. У меня есть материалы частной детективной службы, которая работала на твоего мужа. Ольга — профессиональная актриса, нанятая для создания видимости измены. Цель — вывести активы через фиктивные займы и переоформление долей, пока ты в шоке. Артём создал ей долги специально, чтобы держать на крючке. Она не действовала по своей воле. Она — инструмент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.